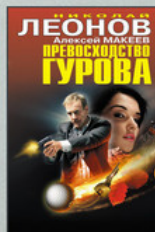

Николай Леонов, Алексей Макеев

Бриллиантовая пуля

Часть сборника
Превосходство Гурова (сборник)

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Бриллиантовая пуля
Серия «Полковник Гуров»

текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5000830

Николай Леонов, Алексей Макеев. Бриллиантовая пуля: Эксмо; Москва;

2013

ISBN 978-5-699-63045-5

Аннотация

«Гуров телевидение не любил, да и телевизионщиков, за редким исключением, – тоже. Если у него выдавалась свободная минута, а случалось это очень редко, он предпочитал проводить ее в кресле с книгой, благо родители, уезжая на Украину, оставили библиотеку ему. Причем с книгой не электронной, а самой настоящей, с пожелтевшими от времени страницами, потрепанным коленкоровым переплетом и очень специфическим запахом. Так что телевизор Гуров смотрел только в силу крайней – понимай, служебной – необходимости. А вот слушать его Льву Ивановичу в последнее время невольно приходилось каждое утро...»

Николай Леонов, Алексей Макеев

Бриллиантовая пуля

Гуров телевидение не любил, да и телевизионщиков, за редким исключением, – тоже. Если у него выдавалась свободная минута, а случалось это очень редко, он предпочитал проводить ее в кресле с книгой, благо родители, уезжая на Украину, оставили библиотеку ему. Причем с книгой не электронной, а самой настоящей, с пожелтевшими от времени страницами, потрепанным коленкорovým переплетом и очень специфическим запахом. Так что телевизор Гуров смотрел только в силу крайней – понимай, служебной – необходимости. А вот слушать его Льву Ивановичу в последнее время невольно приходилось каждое утро.

Дело в том, что его жена Мария Строева, между прочим, народная артистка России, с некоторых пор взяла за правило вставать раньше его, а сам он поднимался в шесть часов утра. То ли заклятые подруги ей посоветовали, то ли начиталась модных нынче глянцевого журналов, пестрящих советами, как удержать мужа, но она решила, что Гуров ни в коем случае не должен видеть ее неприбранной, вот и встречала его по утрам на кухне не только завтраком, но и свежим макияжем вкупе с уложенной прической. И, сколько ни гово-

рил ей Гуров, чтобы она не истязала себя, а лучше поспала лишний часок, а то и два, что он ее любит и непричесанной, и ненакрашенной, она продолжала издеваться над собой, а заодно и над ним, потому что, как входила в кухню, так тут же включала телевизор. И работал он вроде бы негромко, но его постоянное бубнение здорово действовало на нервы. Утренние, якобы развлекательные, передачи, перемежавшиеся новостными выпусками, никакого удовольствия Льву Ивановичу не доставляли, но он их вынужденно терпел – должна же получать Мария хоть какое-то удовольствие от своего идиотского подвижничества.

Вот и сегодня, занимаясь утренней гимнастикой, Гуров автоматически слушал телевизор, но вдруг насторожился, резко бросил отжиматься от пола и быстро вошел в кухню. Его настроение, и так далеко не лучезарное, испортилось еще больше, потому что диктор сообщил, что сегодня днем было совершено покушение на жизнь губернатора Новоленской области Михаила Михайловича Косолапова. Ну, днем – это по их местному времени. И находился сейчас губернатор в больнице, где был уже прооперирован, и его состояние оценивалось как критическое. От каких-либо прогнозов врачи воздерживались, что переводилось на русский язык однозначно: «надежд на выздоровление нет».

– Маша, а собери-ка ты мне сумку с учетом их погоды, – попросил Лев Иванович.

– Думаешь, без тебя не обойдется? – погрустнела она.

– Это вряд ли.

– Так я с некоторых пор постоянно держу ее наготове. Мне только теплые вещи туда доложить.

Лев Иванович пошел в ванную, и, пока стоял под душем, туда заглянула жена и сказала:

– Лева! Там Петр!

Генерал-майор Петр Николаевич Орлов был не только непосредственным начальником Гурова, но и его давним другом, так что можно было не церемониться.

– Маша! Скажи, что я ему перезвоню, – попросил Лев Иванович.

– Лева, ты не понял – он уже у нас, – объяснила Мария.

– Тогда он не «там», а здесь, – поправил ее Гуров, поняв, что «земля уже горит под ногами». – Скажи, что я сейчас выйду.

В авральном порядке приведя себя в порядок, он вышел из ванной и прошел в кухню, где, судя по голосам, и был Орлов.

– Я все правильно понял? – вместо приветствия спросил его Лев Иванович.

– Если ты слышал экстренное сообщение, то да, – кивнул тот.

– Надо посмотреть хоть, где это, – направился в зал Гуров, чтобы включить компьютер.

– Не стоит, я тебе и так могу сказать, что это Якутия.

– Ну, спасибо, Петр! – поклонился ему Лев Иванович.

– Кушай на здоровье, причем в буквальном смысле, – невозмутимо ответил Орлов и объяснил: – Времени у тебя только на чашку чая и бутерброд, а потом кое-куда поедем.

– Как я понимаю, не на работу, – ерническим тоном заметил Гуров.

– Потрясен твоей догадливостью. В темпе, Лева, в темпе! Начальство ждать не любит!

– Маша! Посмотри в Интернете, что там с Якутией, – крикнул в сторону зала Гуров и, наскоро сжевав бутерброд, запил его остывшим кофе из ее чашки.

Выйдя в зал, он увидел, что дорожная сумка уже стоит на столе, а рядом с ней висится гора из шерстяных носков, свитеров и прочих теплых вещей, включая даже пакет с новым термобельем, которое Маша совершенно непонятно зачем ему купила, но поскольку он никогда в жизни ничего подобного не носил, то оно так и валялось в шкафу.

– Лева, ты сам отбери, что тебе укладывать, – попросила, не оборачиваясь, сидевшая за компьютером жена.

– Только не это, – ткнул пальцем в сторону термобелья Гуров.

– Даже не думай! – решительно заявила Мария, поняв, что он имел в виду. – Между прочим, у них уже за тридцать, и обещают дальнейшее понижение температуры! Это у нас тут не декабрь, а не пойми что, а там – Сибирь! И морозы соответствующие!

– Ну, а носки шерстяные я как носить буду? Я же в них

все равно в сапоги не влезу.

– В гостинице походишь, не думаю, что там будет очень уж тепло, – не унималась она. – И дубленку наденешь! Даже не спорь!

Дубленка Гурова добила. Неизвестно, чем руководствовалась Маша, покупая ее, но это чудо, а точнее, чудовище канадского производства, мало того, что было на отнюдь не маленького роста Льве Ивановиче по самые щиколотки, так еще и толщину имело такую, что он выглядел в ней, как вставший на задние лапы медведь-гризли. О том, чтобы водить в ней машину, и речи быть не могло, а пешком Гуров передвигался по Москве крайне редко, да и погода совсем не способствовала ее эксплуатации, вот и пылилась дубленка в шкафу.

– Маша права, – поддержал ее Орлов. – Климат там далеко не ласковый, так что не ерпенься, а то отморозишь себе все, что только возможно.

– Черт с вами! – сдаваясь, пробурчал Гуров.

– Да собирайся ты, в конце концов! Нас уже ждут! – поторопил его Петр.

– Ну, и где нас ждут? На работе? Или уже в аэропорту?

– Вам забронированы билеты на шестнадцатичасовой рейс на Якутск, а там пересядете на местный самолет. Вылет из Домодедова. Так что еще успеешь и за вещами заехать, и пообедать перед дорогой.

– Так с какого перепуга эта порка-гонка? – удивился Гу-

ров.

– Рыбовод нас у себя дома ждет, – объяснил Петр.

А вот это уже что-то новенькое! Рыбовод, а в миру Андрей Сергеевич, был заместителем министра, и отношения у них с ним складывались не самые теплые, особенно у Орлова, потому что разносы он получал с завидной регулярностью, но и до Льва Ивановича доносились их отзвуки. А Рыбоводом они его называли за глаза потому, что тот не так давно завел у себя в кабинете очень большой аквариум с самыми разнообразными рыбками, за которыми трепетно ухаживал.

Гуров удивленно уставился на друга, и тот ему подтверждающе покивал:

– Именно так! Он меня с постели поднял. Причем я в отличие от тебя даже бутерброд слопать не успел. А вот подробности, как говорится, письмом.

– Значит, прижало его под самое под не могу, – хмыкнул Гуров. – Ну, а ты по нисходящей уже за нас взялся!

– Скажи спасибо, что хоть немного поспать тебе дал, Стаса-то я еще раньше разбудил и взбодрил, – обиженно заявил Орлов и усмехнулся: – Ну, куда же вы друг без друга?

– И где он?

– Вот он-то как раз и будет тебя в аэропорту ждать, а пока на дачу за тулупом поехал.

Станислав Васильевич Крячко был, как и Гуров, полковником-важняком и их третьим другом, стаж этой дружбы исчислялся не одним десятком лет.

В коридоре Мария сунула им наспех сделанные бутерброды и сказала:

– Левушка! Я тебе сумку соберу, но только очень прошу ничего из нее не выкладывать.

– Да уж понял я, что ты мне туда положишь.

– У меня днем репетиция, а вечером спектакль, так что давай сейчас попрощаемся. К Новому году хотя бы вернешься?

– Да если бы я это сам знал! – пожал плечами Лев Иванович.

В результате этих препирательств-прощаний вышли они из дома довольно скоро. Дорога много времени не заняла, и, к удивлению Гурова, оказалось, что Рыбовод жил в самом обыкновенном доме в районе Новых Черемушек. Лет двадцать, а то и больше, назад он, несомненно, относился к категории элитных, но теперь, на фоне новостроек, таковым уже не являлся. Открыл им сам хозяин, причем в тренировочном костюме, и с ходу предложил:

– Пойдемте на кухню.

Там хозяйничала, судя по возрасту, его жена, причем зареванная до такой степени, что лицо опухло, а от глаз остались только щелочки.

– Ну, хватит уже, Лиза, – попросил ее Рыбовод. – Бог даст, обойдется!

– Вы садитесь и покушайте, – рыдающим голосом предложила она гостям. – Андрей же вас спозаранок поднял, навер-

ное, и кофе даже попить не дал. Я тут наспех кое-что скуле-мала, так что не обессудьте. Вы уж его извините – горе у нас!

– Ну, все, Лиза! Иди! Дай нам поговорить! – выпроводил ее муж, и она, хлюпая носом, ушла.

– Садитесь и не стесняйтесь, – показал им на накрытый стол Рыбовод, – а я пока объясню, что к чему.

– А вы? – удивился Орлов. – Разве вы с нами не поедите? А то неудобно как-то получается!

– А мне, Петр Николаевич, кусок в горло не лезет! – Хозяин дома отошел к окну и, приоткрыв его, закурил, выпуская дым на улицу. – Так что ешьте и не обращайтесь на меня внимания, а если какие вопросы появятся, то спрашивайте.

Орлов с Гуровым присели к столу, на котором никаких разносолов не наблюдалось, а были обыкновенные оладушки, а в отдельных вазочках лежали мед и сметана.

– Вы мед берите, он дикий, сибирский. Говорят, самый полезный, – предложил им Рыбовод.

– Когда пристав говорит – садись, как-то неудобно стоять, – процитировал шепотом Гуров, и они с Орловым начали есть оладушки с медом, причем и то, и другое оказалось необыкновенно вкусным.

– Короче, ты, Гуров, все равно на месте все узнаешь, так уж лучше я сам тебе скажу, – приступил к разговору Андрей Сергеевич. – Косолапов – мой зять, муж моей родной старшей сестры Татьяны.

– Простите, что перебиваю, Андрей Сергеевич, но это он

вам звонил по поводу Савельева? – спросил Гуров.

– Он, – кивнул тот. – У него в области их отделение есть. А теперь, когда с Мишкой такое случилось, мне уже Татьяна позвонила и попросила направить туда именно тебя, потому что ты лучший из лучших. – Гуров мгновенно вскинулся и хотел было сказать, что он не слесарь, чтобы по вызову являться, но Андрей Сергеевич не дал ему и рта открыть: – Ты мне свой характер не показывай! Я его и так хорошо знаю! И то, что ты меня не любишь, тоже. Так что считай, что я тебя просто прошу помочь как человек, чей родственник попал в беду. Очень прошу! И довериться в этой ситуации я могу только тебе, причем из-за твоего же характера, потому что ты никаких авторитетов не признаешь и до сути докопаешься, несмотря ни на что. Такой расклад тебя устраивает?

Лев Иванович, соглашаясь, кивнул. Он увидел, что замминистра, который, едва затушив одну сигарету, тут же закурил другую, изо всех сил старается держать себя в руках, а на самом деле здорово нервничает. И было это не только из-за того, что случилось с его зятем, но и потому, что просить подчиненных о чем-то он явно не привык – раньше-то только приказывал.

– Может, тебе это и не пригодится, но ты просто должен знать, с какими людьми придется дело иметь и чего от них ждать, потому что сибиряки – народ особый, – продолжил Андрей Сергеевич.

Рассказанная Рыбоводом история была сугубо домашней,

не для посторонних ушей, но она прояснила ситуацию, заодно в корне изменив отношение Орлова и Гурова к этому человеку, которого они, мягко говоря, недолюбливали.

Итак, родители Андрея и Татьяны были врачами, в черт знает каком поколении, и работали в Кремлевке, хоть и на рядовых должностях, но ведь в Кремлевке же! Совершенно естественно, что Татьяна пошла по их стопам и училась в Первом «меде», планируя стать, как отец, хирургом. И вот после пятого курса она поехала врачом со стройотрядом и познакомилась со служившим в стройбате недалеко от их общежития восемнадцатилетним парнем-сибиряком, это и был Косолапов, а образование у него тогда было всего восемь классов. Что она в нем нашла, неизвестно, но влюбилась насмерть, а он в нее – еще сильнее, несмотря на то что она была старше его, красавицей отнюдь не являлась и к тому же имела баскетбольный рост – 185 сантиметров, так что ее с детства дразнили «дылдой».

Понимая, что родители ни в коем случае не одобрят ее выбор, Татьяна изо всех сил скрывала и свои чувства, и свою с ним переписку. А поскольку Андрей был в то время по уши влюблен в девочку из параллельного класса, то понимал ее, как никто, и хранил письма Михаила в своем столе среди старых учебников. Он вообще очень любил свою сестру, которая, будучи на десять лет старше, его и вырастила, потому что мать, поступив в заочную аспирантуру, решила писать диссертацию, и тут выяснилось, что она беременна. Отец и

Татьяна уговорили ее оставить ребенка, который в тот момент был ей совсем не ко времени, и она сдалась, но поставила условие, что они будут ей всячески помогать. Отец, конечно, обещал, но в результате все заботы о малыше легли на плечи Татьяны. Диссертацию, кстати, мать так и не написала.

Окончив интернатуру, Татьяна стала полноправным хирургом. Родители никак не могли понять, почему она изо всех сил отбивалась и отбилась от ординатуры, а объяснение было простое – в ординатуре учатся два года, а в интернатуре – один год, вот она и подгадала так, чтобы к моменту, как Михаил демобилизуется, уже высшее образование получить. Наступил час X – Михаил пришел к родителям Татьяны знакомиться.

– Впечатление было незабываемым, – вспоминал Андрей Сергеевич. – Ростом под два метра, белобрысый, голубоглазый, а главное, абсолютно невозмутимый и уверенный в себе на двести процентов. Как там у О’Генри? «Свеж, как молодой редис, и незатейлив, как грабли». Родители были в шоке! А когда они узнали, что у него даже полного среднего образования нет, да он еще родом из глухого таежного поселка, мама забыла о том, что она интеллигентная женщина, и скандалила, как базарная баба. Самыми приличными выражениями были: «лапоть деревенский» и «валенки сибирский», а уж о том, что он не по себе дерево рубит и все остальное в этом духе, я вообще молчу. А Мишка был непробиваемо спокоен и только повторял: «Мамаша! Не волнуй-

тесь вы так! Я вашу дочку люблю и всю жизнь любить буду! Я ее никогда ничем не обижу! Я в жизни всего достигну, чтобы она мной гордиться могла!» Мама на это огрызнулась, что медведица из леса ему мамаша, а не она. Надо заметить, что отец себя посдержаннее вел, но тоже за словом в карман не лез. А потом мама поставила вопрос ребром: Татьяна, если окончательно с ума сошла, может уезжать с этим мужланом, но тогда пусть забудет о том, что у нее есть родители, а уж порог их дома она никогда в жизни больше не переступит. Михаил совершенно спокойно повернулся к сестре и спросил: «Что скажешь, Танюша?» А она в ответ улыбнулась ему: «Куда муж, туда и жена». Потом повернулась к родителям и сообщила: «Вообще-то мы уже зарегистрировались». Ну, это они еще как-то пережили, потому что разводы законом не запрещены, но папа предупредил, что Миша пропишется в их квартире только через их, родительские, трупы, не раньше! А мама добавила, что только сибирской родни в тулупах и валенках с мешками и баулами им в доме и не хватало. Татьяна же неожиданно заявила, что это она из квартиры уже выписалась, потому что отказалась от распределения в Москву и отправляется по направлению в распоряжение Новоленского облздравотдела. Как в этот момент родителей удар не хватил, до сих пор не пойму – они ведь столько сил приложили, чтобы организовать ей целевое распределение к ним в Кремлевку, кланялись, унижались, чтобы персональный запрос на нее организовать. И вдруг все это пра-

хом пошло! Причем из-за какого-то деревенского увальня из глухого сибирского медвежьего угла! Этого мама выдержать уже не смогла! Белая стала как мел, а потом металлическим голосом произнесла: «Делай что хочешь, но запомни, что дочери у нас больше нет!», ушла в спальню и дверью хлопнула, а отец – за ней. А Мишка на это сказал: «Танюша! Я тебе своей жизнью клянусь, что ты никогда об этом не пожалеешь!» В общем, собрала сестра свои вещи, что потеплее, шепнула мне, что будет писать на Главпочтамт, до востребования, а родителям ничего говорить не надо, если сами не спросят, и ушли они. Наверное, родители все-таки надеялись, что этого не случится, потому что, когда я за Татьяной и Михаилом дверь захлопнул, оба из спальни выскочили и, увидев, что ни дочери, ни нежеланного зятя в квартире нет, так на диван и рухнули. «Чтобы я больше имени Татьяны в этом доме не слышала!» – только и прошептала мама.

– И долго продолжалось это молчание? – спросил Орлов.

– Семь лет. Но, как потом оказалось, имя Татьяны не проносилось только при мне, а вот между собой родители о ней частенько говорили. А тогда я через день на Главпочтамт бегал – все письма ждал. Первое не скоро пришло, я уже волноваться начал. Сестра писала, что побывали они в Мишкиной деревне и тут же в Новоленск уехали. Мишка на завод пошел и в вечерний техникум поступил, который, между прочим, за два года окончил, Таня по специальности работала, а жили они в общежитии. Это уже потом мы узна-

ли, что не больно-то ласково ее Мишкина родня приняла, а в Танькиных письмах все было просто чудо как хорошо. Я их в том же тайнике держал, где раньше Мишкины письма хранил – она их с собой забрала. Потом у них Мишутка родился – точная копия отца, и она с ним дома сидела, денег, естественно, меньше стало. Она мне об этом не писала, но я ведь и сам все понимал, поэтому стал им деньги посылать. Мне родители на буфет школьный давали, а я из дома бутерброд захвачу и сыт. На кино и все такое деньги возьму, а сам никуда не хожу. А как поднакоплю немного, так сразу Тане отправляю. Ругалась она, конечно, но, видно, нелишними они у них были, потому что обратно ни разу не отослала. Фотографии частенько вместе с письмом присылала, и их с Мишкой, и детей – они у них подряд идут: Степан, Емельян и наконец Наташка, на этом решили остановиться. Мишка – и как он умудрялся? – еще и учиться успевал, потому что после техникума на заочный в институт поступил. Я к тому времени уже на юридическом учился и теперь отправлял им свою стипендию.

– А почему вы в медицинский не пошли? – поинтересовался Гуров.

– Из духа противоречия. Родители решили на мне отыграться, раз уж из Таньки великого врача не получилось, к тому же школу я окончил с золотой медалью. А потом Танька написала, что не надо больше деньги посылать, потому что Мишка стал начальником цеха и им на жизнь хватает.

И это при том, что он в тот момент еще институт не закончил! Кстати, он и там всего четыре года учился, большинство предметов экстерном сдавал. Как-то я с занятий возвращался и вдруг вижу, от нашего подъезда «Скорая» отъезжает. Непонятно почему, но я сразу понял, что она у нас была. Взлетел по лестнице, в квартиру ворвался и услышал голоса родителей из спальни. Мама рыдала и все повторяла: «Ну, как она может быть такой бессердечной? Ну, хоть бы телеграмму прислала с одним-единственным словом «Жива»! Нам бы и этого хватило! Ведь нет больше сил в неизвестности жить!», а папа ее утешал, говорил, что, если бы с ней что-то случилось, то Михаил обязательно нам сообщил бы, что не похож он на подлеца, и все в этом духе. Ну, тут уж я не выдержал, вошел и сказал, что все у Таньки нормально, что четверо детей уже у них, что она мне регулярно пишет и фотографии присылает. Что тут началось! – Рыбовод даже головой покрутил.

– Представляю! Крайним стали вы! – усмехнулся Гуров.

– Кто же еще? Оказалось, что я не сын, а выродок и исчадие ада! Что решил родителей в гроб вогнать! Что мог бы и раньше сказать, что у сестры все в порядке, а не заставлял отца с матерью ночами в подушку рыдать. Я заикнулся было, что мама сама запретила имя сестры в доме произносить, а потом махнул рукой, принес им все Танькины письма и фотографии, на кровать бросил и ушел от греха подальше. Потом до самого вечера слышал, как они там внуками вос-

хищались, письма читали и перечитывали, удивлялись, что Михаил смог таких высот всего за несколько лет достичь, и все в этом духе. Затем полночи письмо Татьяне писали – телефона у них тогда еще не было, его поставили, когда Мишка директором завода стал. И после всего этого родители начали требовать, чтобы Татьяна со всем семейством погостить приехала. Но тут ведь нужно было подгадать, чтобы и отпуска у нее с мужем совпали, и дети старшие на каникулах были, так что приехали они только через два года, как раз под Новый год, когда Мишку уже главным инженером назначили. Родители к их приезду готовились, как к приему коронованных особ: квартиру до блеска отдраили, продуктов закупили, детям билеты на Кремлевскую елку достали, а Таньке с Мишкой – на самые новомодные спектакли. Свою спальню решили им отдать, сами в мою комнату перебрались, меня на раскладушку выселили, а детей решили разместить на диване в зале, благо тот раскладывался до невероятных размеров. В общем, дурдом был настоящий. Поехали мы их в аэропорт встречать на двух машинах: на нашей и еще такси заказали. Они наконец появились: на Таньке – шуба до земли из непонятого меха и шапка соболья, на Мишке – дубленка, что тогда редкостью было, и шапка-ушанка тоже из соболя, да и дети одеты соответственно. А уж багажа-то! Мама стоит, плачет и не знает, к кому первому бросаться: то ли к дочери, которая тоже слезами заливаается, то ли к внукам, а потом начала от одних к другим метаться. Посте-

пенно все немного успокоились, и папа спросил, показывая на Танькину шубу: «Это что?», а Наташка, она тогда еще не очень хорошо говорила, ему ответила: «Это лысь! Папа настлелял! А теперь соболя бьет маме на субу!» Танька и объяснила, что зима в Москве не то что у них, вот она и надела, что полегче, а на морозы у нее волчья, потеплее. А уж как домой приехали и они стали гостинцы доставать, так отец с мамой сели возле стола и молча провожали глазами каждую банку и сверток, потому что слов подходящих подобрать не могли. Одна трехлитровая банка красной икры чего стоила! Да и все остальное ей под стать было. Мы такого даже в продуктовых наборах, что родителям к праздникам выдавали, не видели. Среди прочего они достали кедровые орехи, а мы их в глаза не видели и не знали, что с ними делать. А Мишутка солидно так нам объяснил, что они очень полезные и что они нам их сейчас почистят. Сели вчетвером вокруг журнального столика и, как проворные белки, целую тарелку нашелушили, причем Наташка тоже изо всех сил старалась. А когда уже за столом сидели, мама, расплакавшись, начала у Мишки прощения просить за все те гадости, что ему тогда наговорила, что ей нужно бы получше в людях разбираться, что должна была сразу понять, какой он серьезный человек. Он ее слушал-слушал, а потом заявил: «Бросьте вы, мамаша! Я же еще тогда сказал, что всего достигну, чтобы Танюша мной гордиться могла. Чего ж вы на меня удивляетесь? Вы лучше сыну своему удивляйтесь, который много лет все

деньги, что скопить мог, нам отправлял. И за это ему наша великая благодарность и скромный подарок». И Мишка достал настоящий японский видеомэгафон – по тем временам редкость необычайная, у спекулянтов он стоил столько, что за эти деньги можно было и «восьмерку» подержанную купить. Родители у меня были советской властью пуганные и тут же всполошились – откуда, мол? А Мишка объяснил, что был в командировке в Японии по вопросам закупки оборудования, вот там-то мне подарок и купил.

– В общем, Михаил положил ваших родителей на обе лопатки, – констатировал Орлов.

– Это была только присказка, потому что на следующий день родители, встав пораньше, чтобы завтрак на всю ораву приготовить, застали Михаила уже на кухне, где он мясо через мясорубку прокручивал, а племянники мои вокруг крутились и очень деятельно ему помогали: Мишутка мясо резал, Степан, обливаясь слезами, лук чистил, Емельян муку просеивал, а Наташка с самым серьезным и сосредоточенным видом ему помогала, из-за чего половина муки была на полу, а вторая – на ней. Ну, Мишка и объяснил, что решил настоящих сибирских пельменей налепить. Мама в ступор впала, а папа только растерянно спросил: «А Таня что же?» А Наташка ему серьезно так: «Мама у нас хилулк. В ее луках жизнь теловека, поэтому ей ничего луками делать незя!» А тут и сама сестрица появилась в японском кимоно и тапочках каких-то затейливых с помпонами, заспанная и доволь-

ная, как кошка. Мишка увидел ее и, глядя на детей, только укоризненно головой покачал: «Ну вот! Разбудили маму!» А она подошла к мужу, прижалась, потерлась об него щекой и в ванную поплыла. Посмотрел на все это отец и ехидно так маме сказал, ее же передразнивая: «Ох, пропадет наша дочка в Сибири! Ох пропадет!» А Мишка им на это добродушно так: «Да бросьте вы! Что нам, трудно, что ли?» Тут мама вконец растерялась: «Мишенька! А кто же готовил, стирал, убирал, пока детишки маленькие были, а ты учился?» Он в ответ расхохотался: «Угадайте с трех раз!» Вот такой у меня зять! Но это он только с Танькой и детьми такой добрый, а на самом деле – кремень! У него вся область по одной доске ходит!

– Как же он губернатором стал?

– Когда все разваливаться начало, он уже давно был директором завода. Посмотрел Мишка на этот бардак и понял, что помощи ждать неоткуда и спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Собрал команду из таких же, как он, людей, и начали они область спасать. И спасли! Так что, когда губернатора выбирали, люди за него все, как один, проголосовали. Вот с тех пор он и правит там единовластно. Правда, была одна попытка его сместить, но ничего из этого не вышло, из-за чего на него даже покушались. Но все обошлось, и его снова назначили губернатором. А поскольку теперь опять начнут губернаторов выбирать, то альтернативы ему нет. Конечно, если он выживет и решит потом на преж-

ней должности остаться, – поправился Рыбовод.

Гуров хотел спросить, что это значит, но тут за дверью кухни раздались какие-то непонятные звуки, потом она открылась, и в кухню пулей влетел рыжий, необыкновенно пушистый и уже не совсем маленький, месяцев пяти от роду, котенок сибирской породы. Он застыл, выгнув спину и подобрал лапы, но, поняв, что противников не предвидится, сразу успокоился.

– А-а-а! Явился, бандит! – буркнул Андрей Сергеевич, а на самом деле в его голосе послышалась какая-то даже родительская любовь к котенку.

Тот же, начисто проигнорировав как его самого, так и его тон, запрыгнул на подоконник, уселся там и стал по-хозяйски осматривать то, что стояло на столе.

– А ну, Ермак, марш отсюда! – приказал Андрей Сергеевич.

– За что же вы такого красавца не любите? – спросил Орлов, любуясь котом. – Вам же его, наверное, сестра в подарок привезла?

– Она, – подтвердил Андрей Сергеевич. – Если б я тогда знал, что из того пушистого комочка вырастет, то отправил бы его с ней обратно или отдал кому-нибудь.

– Чем же он так плох?

– А всем! Вот у нас до него Васька жил – от старости умер. Так он был и ласковый, и добрый. Бывает, с работы придешь, так он навстречу бежит и заранее мурчит, об ноги трется.

А этот? Характер у него независимый, на колени никогда в жизни сам не запрыгнет и ласкаться тоже не будет. Спит исключительно на нашей постели рядом с женой, она ему даже специальную подушку сделала. У нас в зале пальма стоит – еще от родителей жены осталась, так этот паразит об нее когти точит, а с остальных цветов листья обгрызает. А главное, рыболов чертов, повадился из моего аквариума рыбок таскать. Я сначала удивлялся, куда они деваются, а потом его прямо на месте преступления застукал. Стоит, паршивец, и с неопишимо брезгливым выражением морды лапой в аквариуме шарит. Охотничек! Оказывается, жена его и до этого за подобным занятием заставляла, и даже вылавливала оттуда пару раз, когда он, не удержавшись, в воду сваливался, а мне ничего не говорила. Так и пришлось рыбок на работу перевезти, а то бы всех извел. Одно хорошо – мышей ловит мастерски, еще совсем крохой был, а уже ловил, но не ел ни разу, а приносит, чтобы похвалиться, прямо к нашей кровати. Один раз мне в тапочек положил, но это он мне мстил за то, что я его газетой отходил. Между прочим, за дело – а нечего было на стол во время ужина запрыгивать! А ну, марш отсюда! К маме иди! Утешь ее, а то ей сейчас плохо.

Или котенку надоело сидеть на подоконнике, или он, решив, что ничего нового и интересного в кухне нет, заскучал, или действительно понял, что «маме» он нужнее, но тут же спрыгнул на пол и убежал.

– То есть с вашей женой он ладит? – спросил Петр.

– Еще бы он с ней не ладил, если она его все время защищает и кормит на убой.

– Андрей Сергеевич! Вы сказали, что вашей жене плохо. Это из-за ранения Михаила Михайловича? – вернулся к делу Гуров.

– Не только. Таня серьезно больна – ревматоидный артрит у нее, но знаем об этом только мы с женой. Она же тогда, когда чертенка этого привезла, в Москву не просто погостить приезжала, а обследоваться.

– То есть мужу она не сказала? – удивился Орлов.

– Нет. Ей нужно срочно менять климат, потому что холода Татьяне категорически противопоказаны. Если Мишка об этом узнает, то он, естественно, все ради нее бросит – у него же в любом застолье, даже на Новый год, первый тост всегда за нее. А она знает, что для него вся жизнь в этой области, которую он из дерьма вытащил и конфеткой сделал, вот и молчит. И нас заставила пообещать, что ничего ему не скажем.

– По-моему, это неразумно, – покачал головой Орлов. – Я не специалист, но точно знаю, что с этим заболеванием шутки плохи, тем более что оно неизлечимо.

– Просто вы не знаете, как они любят друг друга, – объяснил замминистра.

– Андрей Сергеевич, что вы можете сказать о Косолапове именно как о губернаторе? – спросил Гуров. – То, что он пользуется уважением в своей области, и так понятно. Но

что еще?

– Сильный, властный, жесткий, умный, самостоятельный, – перечислил Рыбовод и нехотя добавил: – Даже слишком самостоятельный!

– То есть даже не удельный князь, а самодержец местного значения? – уточнил Лев Иванович, и тот в ответ согласно кивнул. – Андрей Сергеевич! Вы меня не первый день знаете, и о том, что я не дипломат, тоже, поэтому выскажусь напрямую. До нашего рейса времени еще много, а вы не только Петра Николаевича, но и меня спозаранок сюда пригласили. Почему именно домой? Все, что мы от вас узнали, вы могли бы рассказать нам и в своем кабинете. Отсюда вывод: вы хотите сказать что-то такое, что не решились бы произнести там. Вы и сейчас сомневаетесь, говорить или нет, хотя именно от меня зависит расследование этого дела. Так я вам помогу. Вы подозреваете, что за покушением на вашего зятя стоит Москва? Что его самостоятельность перешла все границы и его решили остановить таким способом?

– Да! – отвернувшись, тихо проговорил замминистра и объяснил: – Если бы некоторые заинтересованные люди в соответствующих структурах знали о болезни Татьяны, то Михаилу просто сообщили бы об этом, и вопрос с его, причем добровольной, отставкой решил бы быстро и бескровно, но они этого не знали. Отсюда и покушение.

– И ваша жена теперь переживает по поводу того, что сдержала слово и не сообщила Косолапову или кому-то из

их детей о болезни Татьяны? – спросил Орлов.

– И меня в этом упрекает, – вздохнул замминистра.

– Как сейчас самочувствие Михаила Михайловича?

– Как я понял, балансирует на грани жизни и смерти.

– Кто же его оперировал? Татьяна Сергеевна? – поинтересовался Гуров.

– Да, никому не доверила. Вообще-то она главврач областной больницы, но по-прежнему оперирует, а сейчас возле него дежурит – ей в его палате кровать поставили, да и все дети с внуками возле него.

– То есть они никому не верят и охраняют его сами, опасаясь, что его могут попытаться добить, – понял Лев Иванович. – Ну, что ж, если это все, что вы хотели нам сказать, то мы, пожалуй, пойдем. Обещаю вам, что обязательно разберусь в этом деле, кто бы за ним ни стоял.

– А я сейчас позвоню Тане и скажу, что тебе можно верить, тогда и она, и дети будут с тобой откровенны, – пообещал Андрей Сергеевич и протянул Гурову листок бумаги. – Вот тебе номер телефона, по которому можно говорить совершенно откровенно, и звони мне в любое время дня и ночи. Если нужна будет какая-нибудь помощь – сделаю все, что смогу. И что не смогу – тоже, несмотря ни на что, – твердо заявил он. – У меня, кроме этой семьи, родни нет, потому что родители мои уже ушли, а нам с женой детей бог не дал. Я очень надеюсь на тебя, Гуров.

– А когда было по-другому? – пробормотал Лев Иванович

так тихо, что замминистра его не услышал. Или сделал вид, что не услышал.

Они втроем вышли из кухни, и Гуров, увидев свет в зале, заглянул туда. Жена Андрея Сергеевича сидела в кресле, на коленях у нее, пузом вверх и растопырив лапы, балдел котенок, животик которого она машинально гладила, а сама в это время смотрела на стоявшую перед ней на столике большую фотографию, где в окружении детей и внуков были сняты супруги Косолаповы. Почувствовав его взгляд, она повернулась, и Лев Иванович, подойдя к ней, сказал:

– Спасибо вам большое за вкусные оладушки, и не беспокойтесь ни о чем, я обязательно во всем разберусь. – Она благодарно ему покивала, а Гуров, взяв в руки фотографию, стал рассматривать тех, с кем ему предстояло иметь дело.

Потом, попрощавшись с хозяевами, Орлов и Гуров вышли из квартиры и переглянулись – таким они замминистра не видели никогда, оказалось, что Рыбовод нормальный человек, который тоже умеет чувствовать и переживать, а не отдающий приказы робот, запрограммированный на разносы. Они не стали вызывать лифт, а пошли вниз по лестнице – им нужно было поговорить наедине, потому что даже при водителе Орлова не все можно было сказать – мало ли что?

– Петр! Мне нужно все, что сможешь найти на новоленского генерала и вообще на все их управление, – начал Гуров.

– Немедленно запрошу из кадров его личное дело да и об

остальных справки наведу, – пообещал Петр.

– Если успею, то посмотрю его до отъезда, а если нет, то ты мне потом все очень подробно перескажешь. И возьми у аналитиков справку по этому региону. Далее. Потряси смежников на предмет того, что творится в области, но только очень аккуратно.

– Ты думаешь, что в Новоленске бушуют сепаратистские настроения? Что там зреет заговор по поводу отделения Сибири от России? – спросил Орлов.

– А как еще можно понять слова Рыбовода о том, что его зять слишком самостоятелен? – спросил его в ответ Лев Иванович. – Хотя, – пожал он плечами, – может быть, он имел в виду как раз его хозяйственную деятельность? Ладно! На месте разберусь! Следующее. Связываться со мной будешь по второму телефону – береженого, как говорится, и бог бережет.

Спустившись, они сели в машину и поехали в управление, а по дороге говорили все больше о ненормально теплом в этом году декабре и в связи с этим прогнозах на произрастание садово-огородных культур на даче у Орлова.

У себя в кабинете Гуров вытащил из сейфа все свои записи и, перебирая их, прикидывал, что может пригодиться в этом деле, но ничего не нашел, потому что бывать в том регионе ему еще не доводилось, связей никаких у него там не было, а уж кто из криминальных авторитетов или законников мог там обосноваться – одному богу ведомо. Было там,

правда, отделение ЗАО «Сибирь-матушка», главу которого, того самого Савельева, о котором он спрашивал у Рыбова, Лев не так давно здорово выручил, так что было к кому обратиться за помощью. Но сделать это Гуров собирался только в самом крайнем случае, потому что при мысли о том, как эти чертовы сибиряки «обошли его на вороных», подсунув Марии джип, потому что он сам наотрез отказался от любых видов благодарности, у него тут же портилось настроение. Включив компьютер, Лев начал изучать сайт Новоленской области, но досмотреть до конца не успел, потому что Петру принесли документы, и он отправился их смотреть. Справка аналитического отдела ситуации не прояснила, уровень преступности в области был до того низкий, что просто не верилось, да и преступления в основном были не тяжкими: «хулиганка» и «бытовуха». Как ни странно, но наркоты не было начисто, хотя по всей Сибири этой заразы, причем самой разнообразной, хоть пруд пруди, а в связи с отсутствием на территории области колоний побегов тоже не было. И тогда он стал читать личное дело начальника Новоленского областного управления внутренних дел генерал-майора Юрия Петровича Тарасова, который и пребывал-то в этой должности всего три года. Ну, что сказать? Служака как служака. Милиционер потомственный. Звезд с неба не хватал, через ступеньку не перескакивал, досрочно званий не получал, но и особо значительных проступков за ним не числилось.

– Петр, узнай поточнее, что он за человек, – закрывая де-

ло, попросил Гуров. – Поищи общих знакомых. Если сам знаешь кто прав, то мимо него это дело пройти не могло – должен же был кто-то тылы прикрывать. За ним самим, судя по документам, ничего не числится, но могли прихватить через кого-то из близких: дети, отец с матерью, бабушка с дедушкой, жена, ее родственники... Словом, не мне тебя учить.

– Да, я эту папку уже листал. Остались у меня кое-где свои люди, так что попробую позвонить и поговорить, – пообещал Орлов.

– Как только что-то узнаешь, тут же сообщи, – поднимаюсь, попросил Гуров. – Ладно! Пойду я, а то уже время поджимает. Сначала домой за вещами заеду, а оттуда уже в Домодедово.

– Ты, Лева, там поаккуратней. Главное, себя не подставляй. Если это действительно то, о чем мы думаем, то вони будет много, а уж последствия – самые непредсказуемые. Ну, ни пуха ни пера!

– Пошел к черту! – ответил Гуров.

– Вообще-то, я, собственно, у себя в кабинете нахожусь, но некоторые аналогии все же просматриваются, – хмыкнул Петр. – Дежурку возьми!

– Только до дома, а то что же, она будет ждать, пока я поем? А в аэропорт я на такси доберусь.

– Ничего! Подождет! Рокфеллер нашелся!

Дома Гуров наскоро похватал, не разогревая, то, что при-

готовила ему жена, и, схватив сумку, в которую даже не заглянул, чтобы заранее не расстраиваться, сел в ожидавшую его дежурную машину. В Домодедово он успел вовремя исключительно благодаря мастерству и наглости водителя, который, наплевав на все правила, неся сломя голову – ну, кто же из гаишников будет своего тормозить? Так что регистрацию прошел буквально в последнюю минуту.

В накопителе его уже дожидался взвинченный Стас, который попытался было высказать другу все, что он думает о его пунктуальности, но не успел, потому что при виде Крячко Лев Иванович не выдержал и расхохотался. И было от чего: потрепанный тулуп, за которым Стас ездил на дачу, где зимой чистил в нем снег и занимался прочей хозяйственной деятельностью, выглядел крайне непрезентабельно, а на голове у него была большая собачья шапка – он уверял, что она теплее. Рядом с ним стоял объемистый чемодан, переживший вместе с хозяином все его командировки, можно сказать, неодушевленный ветеран милицейской службы, а к нему был прислонен пакет, из которого нагло выглядывал далеко не новый и даже подшитый валенок. В руках же Крячко держал дивно пахнущий чем-то очень вкусным пакет. Так что парой они оказались весьма примечательной, потому что на Гурове были надеты барская дубленка и норковая шапка, да и дорожная сумка была под стать: дорогая и элегантная. Вот и косились на них люди, кто – с откровенной усмешкой, а те, кто был экипирован не лучше Стаса, – понимающе.

– Младшенького завсегда обидеть просто, – привычно огрызнулся Стас. – Только посмотрю я, как ты, Лева, будешь в своей навороченной дубленке там казачка плясать – Новоленск ведь расположен гораздо севернее Якутска. Да и сапоги у тебя для их морозов не предназначены, а я вот соответствующе оделся!

– Ну, во-первых, дубленка эта канадская и, по идее, для морозов как раз должна сгодиться, а в сапоги я термоноски надену, которые мне Маша купила, так что как-нибудь обойдусь. А во-вторых, скажи, ты с собой ничего пожевать в дороге не прихватил? А то лететь нам долго, поесть я толком не успел, а на особую пищевую ценность аэрофлотовских обедов я бы надеяться не стал.

– Зачем мою жену обижаешь? – возмутился Стас. – Она мне тут целую сумку провизии собрала и даже термос с чаем не забыла. Будет чем перекусить. А лететь нам, кстати, всего около семи часов.

– Ладно, давай по делу. Как я выяснил, в Новоленске существует отделение фирмы Савельева, которое возглавляет Александр.

– Да, я с ним уже созвонился, и он нас будет встречать.

– А вот теперь звони ему и скажи, чтобы не высовывался, – потребовал Гуров. – И вообще, мы с ним не знакомы. Он у нас будет своеобразным засадным полком, который выступит в нужный момент, но никак не раньше.

– Есть основания? – насторожился Крячко.

– И очень существенные, – выразительно проговорил Лев Иванович. – Так что предупреди его, что мы с ним свяжемся уже на месте, а встречаться, если в этом возникнет необходимость, будем только конспиративно.

Стас удивленно вытаращился на друга, но, зная, что тот практически всегда оказывается прав, спорить не стал и позвонил.

– Кстати, а как его имя и отчество? – спросил Гуров. – Не буду же я обращаться к нему «Сашка» и на «ты»!

– И зря! Хотя «Сашка» для тебя, конечно, перебор, но Александром звать вполне можешь. А по поводу того, что они все друг другу «тыкают» и к тебе так же обращались, так ты просто не так понял. Видишь ли, для них то, что они стали говорить тебе «ты», это не панибратство, а признак того, что они приняли тебя в свой круг, это, если хочешь, проявление уважения и предложение дружбы, знак того, что ты свой.

– Не подводи под панибратство философскую платформу, – скривился Гуров.

– Да ну тебя! – отмахнулся от него Стас. – А полностью его зовут Александр Александрович Романов. Так что можешь звать его «Санычем».

– Ух ты! Полный тезка Александра Третьего. А «Саныч» мне подходит.

– Ты подробностями поделиться не хочешь? – спросил Крячко.

Очень кратко, в нескольких словах, Гуров ввел его в курс

дела.

– Хреново, однако! – задумчиво почесал затылок Стас. – Давненько мы в такое дерьмо не влипали!

– Брось! – вздохнул Лев Иванович. – Мне иногда кажется, что мы как вляпались в него много-много лет назад, так до сих пор в нем и барахтаемся.

– Какая жизнь, такая и служба, – философски заметил Крячко. – Как работать будем? С нас же там глаз не спустят!

– Как всегда работали, так и будем. Нам не впервой!

И Гуров был совершенно прав, потому что за долгие годы совместной службы-дружбы их взаимопонимание дошло до того, что им не то чтобы поговорить, а даже переглядываться не нужно было. Они по одному поведению друг друга уже знали, и о чем каждый из них думает, что собирается делать и что надо делать в этой обстановке самому.

– То есть я, типа, «подай-прими», включаю дурака, налаживаю контакт и отвлекаю на себя, а ты будешь думу думать.

– Только не заиграйся! – предупредил его Лев Иванович.

– Обижаешь, начальник, – скорчил плаксивую рожу Крячко.

Объявили их рейс, и они, подхватив свои вещи, направились к выходу. Чтобы облегчить другу жизнь, Лев Иванович взял у него пакет с провизией, хотя Стас пытался его отстоять, подозревая друга в досрочном покушении на их будущий обед и объясняя, что он ему не мешает, потому что чемодан он подталкивал ногой.

В самолете оказалось довольно тепло, и друзья, убрав одежду и ручную кладь в ящики, не стали дожидаться, когда пассажиров начнут кормить, а, распространяя по салону чарующие ароматы домашней еды, перекусили под насмешливыми взглядами остальных пассажиров, что их нисколько не смутило – их вообще уже давно ничего не смущало. Устроившись поудобнее, они задремали – а что еще оставалось? Обсуждать новое дело было бесполезно из-за недостатка информации, читать – так не то освещение, а вставить в уши наушники, чтобы музыку слушать, – этого в привычке не было.

Разбудило их движение по проходу, когда стюардессы повезли коробки с едой. Вот тут-то остальные пассажиры, сравнив запахи, и приуныли – наши родные авиалинии еще не скоро научатся готовить, как дома. Тем не менее Гуров с Крячко отказываться от обеда не стали, потому что неизвестно, когда еще поесть придется, и отдали должное жесткой аэрофлотовской курице с невразумительным гарниром, а потом снова задремали.

Аэропорт Якутска недаром считался международным – оборудован он был весьма достойно, но друзьям некогда было его рассматривать, потому что выяснилось, что регистрацию на их рейс на Новоленск уже объявили, и они бросились к стойке.

В самолете местной авиалинии оказалось совсем не так тепло, как в «Боинге», на котором они прибыли из Москвы,

так что Крячко, плюнув на приличия, переобулся в валенки прямо в салоне. И оказался совершенно прав, потому что в отличие от Гурова, у которого начали очень чувствительно подмерзать ноги, чувствовал себя прекрасно. Лев Иванович молча терпел, чтобы не нарваться на насмешки друга, и старался незаметно разминать ступни, потому что даже если бы захотел, то термоноски надеть не смог бы – они были в сумке, а сумка в багаже. Так что, когда их самолет приземлился в аэропорту Новоленска, Гуров был зол, как сто тысяч чертей, естественно, на себя, но на вопросы и реплики Стаса старался отвечать предельно лаконично, чтобы не сорваться на ни в чем не повинного Крячко. К счастью, их встречали, прямо у трапа стояла самая обыкновенная «Газель».

– Капитан Кравцов, прибыл за вами, – лихо отковырял им полицейский, бросив руку к форменной шапке с опущенными ушами, а пар у него изо рта валил, как у закипавшего чайника. – Давайте быстрее в машину! – с ходу оценив совершенно неподходящую одежду Гурова, предложил он.

Лев Иванович сильно сомневался, что в «Газели» будет намного теплее, чем на улице, но выбора не было, и он первым шагнул в сторону машины, причем чувствовал себя при этом так, словно на нем вообще ничего не было надето и он стоял на морозе совершенно голый – хваленая канадская дубленка для сибирских морозов не подходила начисто, а уж о том, что ног он практически не чувствовал, и говорить нечего.

– У нас вещи в багаже, – сказал ему хозяйственный Крячко, потому что Лев Иванович сейчас готов был не то что о сумке забыть, а дьяволу душу продать, лишь бы оказаться в тепле и оттаять.

– Не волнуйтесь, все получим, – заверил его Кравцов.

Гуров с трудом – и из-за необхватной дубленки, и из-за замерзших ног – втиснулся в микроавтобус и очень удивился – там было не то что тепло, там было даже жарко. Он осмотрелся и увидел, что изнутри машина была в несколько слоев обита какой-то тканью, да и печка работала на полную мощность. По телу начало разливаться блаженное тепло, и больше всего сейчас Гуров боялся элементарно заснуть, опозорив навек в глазах местных ментов столичных сыскарей. Он изо всех сил боролся со сном, когда в машину сели Крячко, с дорогим его сердцу пакетом с едой, и нагруженный их багажом Кравцов.

– Ничего, товарищ полковник, – мгновенно поняв состояние Гурова, сказал капитан. – Сейчас чайку, крепенького, горяченького, с лимончиком, выпьете и взбодритесь. А если кофе любите, так и его сготовим.

Ехать им пришлось недолго, да и сам город оказался совсем не крупным. Областное управление внутренних дел находилось в двухэтажном кирпичном здании явно дореволюционной постройки, с высоченными потолками и чудом сохранившимися следами былой роскоши: покрытой позолотой лепниной, огромными двустворчатыми дверями, паркет-

ным полом и облицованными причудливыми изразцами печами.

– Тут до революции золотопромышленник один жил, – объяснил Кравцов. – А потом чего тут только не было!

– Странно, что все это сохранилось, – недоуменно заметил Стас, показывая рукой вокруг.

– А чего же красоту рушить? – удивился капитан. – Она-то чем виновата? У нас и мебель кое-какая с тех пор осталась – качество тогда было не в пример современному, на века делали.

– Почему так пусто? – вяло удивился Гуров.

– Так рабочий день еще не начался, – объяснил Кравцов. – Время-то у нас совсем другое.

Они поднялись на второй этаж и, миновав пустую приемную, вошли в кабинет начальника управления. Генерал-майор Юрий Петрович Тарасов оказался мужчиной лет под шестьдесят, невысоким, с выпирающим животиком и совершенно лысым, причем был он без кителя, в одной форменной рубашке с галстуком, потому что в кабинете было жарко, что с удовольствием отметил Лев Иванович. Тарасов вышел к ним навстречу из-за большого старинного стола и, представившись, радушно сказал:

– С приездом, товарищи полковники! Душевно рад видеть здесь московских сыщиков, хотя повод для знакомства не самый приятный.

Гуров и Крячко тоже представились и стали с помощью

Кравцова снимать верхнюю одежду.

– Сейчас мы самовар взбодрим, вы чайку попьете, чтобы согреться, а там и поговорим за завтраком – проголодались небось в дороге, – продолжал говорить генерал, включая электрический самовар. – Чай у нас хороший, настоящий китайский.

Слушая его, Гуров подошел к печке и прислонился к ней спиной, чтобы окончательно оттаять.

– Да, товарищ полковник, дубленка у вас замечательная, но не по нашим местам, – заметив это, сказал Тарасов. – Мы вам тут тулупы и валенки дадим – я с военными уже загодя договорился, только размеры уточнить надо, а то замерзнете вы у нас или, не приведи бог, заболете. Как я тогда Москве отвечать буду, что вас не уберег? Мне же за вас голову снимут, потому что позвонили и предупредили, что лучшие из лучших приедут. Да и как иначе? Дело-то из ряда вон выходящее! Это же с ума сойти надо, чтобы в нашего губернатора стрелять! Если народ этого ненормального раньше нас поймает, то ему не жить! У нас в Сибири, что морозы, что характеры, крепкие! Так, какие у вас размеры-то?

Гуров и Крячко ответили, и Кравцов тут же вышел в приемную, чтобы позвонить, а Лев Иванович, вопреки своему обыкновению никогда не одалживаться во всех смыслах этого слова, воспринял эту заботу хозяев с благодарностью, потому что уже понял, что иначе он тут просто не выживет.

– Ну, вот и самовар поспел! Прошу откушать! – пригласил

генерал, подхватывая его и перенося на стол для заседаний, с которого успевший уже вернуться Кравцов вовремя снял белоснежную скатерть, закрывавшую приготовленные для завтрака приборы и тарелки с разнообразной мясной и рыбной нарезкой и колечками лимона и апельсина. – Тимофей! Скажи Семеновне, чтобы горячее несла. – Кравцов быстро вышел и очень скоро вернулся, кивком дав понять начальнику, что все в порядке. – Ну, тогда садись с нами – мало ли какие вопросы у полковников появятся.

– Юрий Петрович! Подскажите, который час, – попросил Гуров. – Нам надо местное время поставить.

Тот посмотрел на свои наручные часы и ответил, а полковники перевели свои часы.

– Я смотрю, Юрий Петрович, что вы совсем сибиряком заделались? – заметил Лев Иванович, с большой неохотой отлепляясь от печки, но желание выпить горячего чая перебило.

– Так я здесь уже три года.

– За что же вас сюда сослали? – спросил Гуров, садясь к столу и наливая себе чай покрепче, да еще два кружка лимона положил, и стал, обжигаясь, понемногу пить, чувствуя, что начинает просыпаться.

– Не поверите – сам попросился. Ну, рассудите, где бы я еще генерала получил? Так и служил бы в полковниках до самой пенсии. А тут новоленского начальника управления как раз сняли, место освободилось, а наплыва желающих сю-

да ехать как-то не оказалось. Вот я и подсуетился! Жена, как узнала, так в крик кричала, а потом посидела, подумала, и желание стать генеральшей перевесило. А сейчас ничего, освоилась уже.

– Да, чай у вас действительно знатный, – похвалил Лев Иванович. – Не такой уж я его ценитель, но подобного никогда не пробовал.

– Так я же говорил, что он настоящий, – довольно усмехнулся генерал.

– Я, с вашего позволения, похожу немного, чтобы ноги размять, а то из самолета в самолет, они совсем затекли, – сказал Гуров.

– Да бога ради! – ответил генерал.

Лев Иванович начал прохаживаться по кабинету, потом остановился у письменного стола Тарасова и кивнул на стоявшую на нем большую фотографию, на которой были сняты, прижавшись щеками, смеющиеся женщина и девушка:

– Генеральша и генеральская дочка?

– Они самые, – гордо подтвердил Тарасов. – Дочка в Благовещенске учится. Поздняя она у нас, выстрадавшая! Сколько лет моя супруга лечилась, прежде чем ее родила. Дочка хотела в Москву ехать, да я запретил. Вы уж меня простите, москвичи, но город ваш для молоденькой домашней девочки не годится – уж очень там много соблазнов и соблазнительей.

– Ну, Благовещенск на женский монастырь тоже не особо

тянет, – возразил Крячко.

– Зато намного ближе, вот мы с матерью туда каждый месяц к ней и наведываемся: месяц – она, месяц – я. И проверить, все ли в порядке, и денегат подбросить, и вещи привезти какие-нибудь. А в Москву не наскачешься! У меня, грех жаловаться, оклад приличный, но ведь и цены на самолет тоже немаленькие.

Еще немного походив по кабинету, Гуров сел за стол, где Стас, наложив себе полную тарелку всего понемногу, уже уплетал за обе щеки, и тоже начал есть.

– А за что предыдущего начальника сняли? – поинтересовался Крячко.

– Это вот Тимофей расскажет, потому что я подробностей не знаю.

– Вы кушайте, товарищи полковники, а я вас в курс дела введу, – охотно согласился Кравцов, откладывая вилку.

– Капитан! Я думаю, будет гораздо лучше, если мы все будем обращаться друг к другу по имени-отчеству, – предложил Гуров. – Не возражаете, Юрий Петрович?

– Конечно, нет, – согласился тот.

– В общем, дело так было, – начал свое повествование Кравцов. – Потапыч для всех нас, местных, бог и царь!

– Это, как я понимаю, Михаил Михайлович? – уточнил Гуров.

– Ну да! Только вы не подумайте, что это от пренебрежения какого-нибудь его так зовут! Исключительно из уваже-

ния! Если бы не он, то мы так бы и остались сидеть в... Не к столу будет сказано, но вы сами понимаете, в чем. Это же при нем наша область по-настоящему зажила, а до него черт-те что было: на всю область один его завод и куча артелей. А у нас ведь чего только нет! Только осваивать все это денег у государства не хватало, и были мы дотационной областью. А в конце восьмидесятых все у нас стало рушиться, после того, как некоторые...

– Что-то ты уж очень издалека начал, – строго заметил Тарасов, видимо решив, что его подчиненный сейчас много лишнего наговорить может.

– Извините, товарищ генерал, увлекся, – тут же поправился Кравцов. – В общем, Потапыч и своему заводу рухнуть не дал, и всех, кого только можно было, под свое крыло взял. И хоть жилось тогда нелегко и решения он принимал очень жесткие, но постоянно с народом разговаривал, по цехам ходил и объяснял, отчего, почему и зачем делает. Да и на улице к нему люди часто подходили, а он никого не чурался, от ответов не увиливал. Вот и получилось, что народ сам ему предложил нашим губернатором стать, и он согласился. Подобрал достойную команду, и начали они постепенно осваивать все, что разведано уже было, да применения не нашло. У нас сейчас все свое! И нефть, и газ, и уголь, и руды всякие, и цветные металлы. О золоте и алмазах я и не говорю, как и о лесе с пушниной – Сибирь всегда ими славилась. Все это уже освоено, люди работают и зарплату получают такую, ко-

торая, прошу прощения, Москве вашей и не снилась!

В этот момент раздался стук в дверь – причем явно ногой, и Кравцов бросился ее открывать. В кабинет, держа в руках поставленные друг на друга полные подносы, вошла пожилая женщина в белоснежном поварском колпаке и таком же халате. Капитан стал ей помогать расставлять все на столе, а она добродушно приговаривала:

– Кушайте, гости дорогие! Все свое, все здешнее! Чистенькое, без всяких нитратов и прочей гадости. По тарелкам-то вы уж сами все себе разложите, кто сколько захочет, а как съедите, я еще принесу!

В результате на столе оказалась огромная сковорода жаренной с луком картошки, посыпанной свежей зеленью, еще одна сковорода с домашними, пахнувшими чесноком котлетами, в большой плошке горой высился салат из свежих помидоров с огурцами и зеленым луком под шапкой густоющей сметаны, а в отдельных тарелках лежали соленые помидоры, огурцы, грибы, квашеная капуста и еще что-то непонятное, но очень вкусно пахнувшее.

– Что значит «все свое, здешнее»? – удивился Стас.

– Газ, – кратко ответил генерал. – У нас вся область на нем живет. Есть здесь один предприниматель, который целый городок под Новоленском выстроил, но там из домов – только общежития, а все остальное – теплицы и оранжереи. Так что у нас действительно все свое.

– И лимоны с апельсинами тоже? – недоверчиво спросил

Гуров.

– Да, а еще мандарины, – подтвердил Тарасов. – И все это в свободной продаже в любом магазине, а излишки – в соседние регионы уходят.

– Ну, при ваших зарплатах... – начал было Крячко, но Кравцов не дал ему продолжить:

– Станислав Васильевич! Зарплата ни при чем! Цены низкие! У нас и коммуналка копейки стоит!

– Ну, не копейки, – поправил его генерал. – Но за квартиру мы платим деньги действительно смешные, по сравнению с остальными в нашем регионе, конечно, а все потому, что попутный газ очищаем, а не сжигаем его, как в других местах. На нем-то все и держится: и ТЭЦ, и электростанция, и все остальное. Да и бензин у нас дешевый. А все прочее на уровне хорошего современного города. Потому-то весь город после покушения на губернатора и вздыбился. Беспорядков у нас нет... Пока нет, – уточнил он. – Но, если мы в этом деле быстро не разберемся, возможны варианты.

– В одном Зазеркалье я уже побывал, а теперь попал в другое, – покачал головой Гуров.

В этот момент он вспомнил о Чернореченске, где расследовал дело о покушении на мэра, местного отца-благодетеля, о том, как по всей области митинги проходили, как в церквях молебны за его здравие служили, а потом оказалось, что сволочью он был распоследней. Конечно, после рассказа Андрея Сергеевича о своем зяте о Косолапове думать так не

хотелось, но как знать, может, и придется.

– Вы кушайте, пока не остыло, – начал потчевать гостей Тарасов. – А если кто под горячее желает... – и он выразительно посмотрел на стоявший у стены старинный шкаф, намекая на то, что у него там припрятано кое-что спиртное.

– Пока воздержимся, – ответил за них обоих Крячко. – Работать же еще!

Гуров посмотрел на все это изобилие и, махнув рукой, горестно вздохнул:

– Да пропади оно все пропадом! – и полез в карман за таблетками, с которыми с некоторых пор не расставался.

– Лева, может, не надо, – попытался остановить его Крячко.

– Однова живем! – отмахнулся от него Гуров.

– У-у-у, Лев Иванович! – сочувственно протянул Тарасов.

– Увы, Юрий Петрович! – развел тот руками и запил таблетки остывшим чаем.

– Да, наша клятая работа ни для кого бесследно не проходит, – вздохнул генерал. – Ну, бог даст – обойдется!

Наложив себе от души на тарелку картошки и выбрав котлету порумянее, Лев Иванович начал есть, тихонько, но совершенно искренне постанывая от удовольствия – Семеновна была поварихой от бога. А вот Крячко смотрел на друга с неприкрытой тревогой и, встретив взгляд генерала, удрученно покачал головой, а потом напомнил капитану:

– Так, что там дальше с начальником управления было?

– А-а-а! – спохватился Кравцов. – Извините, отвлекся. Ну, в общем, когда мы по-настоящему на ноги встали, то есть все у нас заработало, деньги хорошие пошли, люди зажили, как люди... Тут, в общем... – он замялся. – Ну, губернатора нашего, Потапыча то есть, решили снять, а на это место другого человека поставить. Потапыч ведь грабить область не давал, сколько положено, Москве отдавал, а все остальное – извини-подвинься. Пришлых всяких на порог не пускал, а охотников много нашлось! И из Москвы, и из Питера приезжать стали. Небось золотые горы ему обещали, откаты, подкаты да взятки разные, да только Потапыч не берет! Ему эта область родная, он тут всех пусть не по имени-отчеству, так хоть в лицо знает. Только где были все эти дельцы, когда мы область поднимали? По столицам отсиживались! А тут слетелись на все готовенькое!

– Естественно, – поддержал его Крячко. – В девяностые готовых предприятий было пруд пруди, бери – не хочу, причем за гроши. Кто бы в то время стал с производством связываться? Деньги вкладывать? Тем более в вашем регионе, где не каждый человек выдержит? А когда другие люди все уже создали, появились желающие все это отнять.

– Правильно говорите, Станислав Васильевич! – охотно согласился с ним капитан. – Вот Москва и решила Потапыча снять и поставить такого, кто не своим умом, а их жить будет, во всем соглашаться и не перечить. Да только Потапыча, видать, предупредил кто-то, а может, сам понял, откуда ве-

тер дует, и приготовился он. Точнее, они все, кто вместе область поднимал. Я в этих делах мало что понимаю, но только в области у нас ничего государственного не осталось, все в частных руках.

– Так не бывает, – возразил ему Гуров. – Все равно какая-то часть акций должна принадлежать государству.

– Ну, я же предупредил, что мало что понимаю, – виновато пожал плечами Кравцов. – Знаю только, что наши отцы города свои головные офисы в другие регионы перевели, у нас тут с налогового учета снялись, а там встали, да еще и счета свои в местном банке закрыли. А Потапыч все деньги, что у областной администрации были, быстро на разные нужды пустил, и там почти ничего не осталось.

– Очень действенный способ – бить по карману, – заметил Лев Иванович.

– Вот-вот! – покивал ему Кравцов. – В общем, приехал сюда этот мальчишка...

– В розовых штанишках, – не удержался Тарасов. – Кажется, так их Примаков назвал?

– Да это вроде Черномырдин был? – начал припоминать Крячко.

– Какая разница! – махнул рукой Гуров. – Главное, что суть верно схвачена, – и обратился к Кравцову: – Ну, Тимофей? Приехал он и что?

– Да не один приехал, а со своими людьми. А только где им жить, если гостиница в городе всего одна, и хозяин ее на

ремонт поставил.

– Один из отцов города? – понял Лев Иванович.

– Ну да! – охотно подтвердил Тимофей. – У него вся бытовуха! То есть бытовка! Нет!.. В общем, все бытовое обслуживание. Он и ресторан закрыл, и пельменные, и бани, и все прачечные с химчистками... короче, все, что ему принадлежало, а работников в оплачиваемые отпуска отправил. Ну, и куда было пришлым из аэропорта деваться? Ни побриться, ни умыться, ни в туалет сходить. Решили они тогда квартиры в городе снять, а люди-то уже предупреждены были, вот им никто и не сдавал! Так они в областной администрации на стульях спали. Ходили, как бомжи! Мятые, грязные! Злые, как черти! Но терпели!

– Так когда впереди хорошие деньги маячат, чего ж не потерпеть? – усмехнулся Стас.

– А Потапыч дела передает, но не торопится – куда ему спешить? Тут и холода подоспели! – посмеиваясь, продолжал Кравцов. – А все теплые вещи из магазинов как корова языком слизала. Пришлые-то на это никак не рассчитывали! Вот вы, Лев Иванович, душевно вас прошу, не обижайтесь, но поняли, что даже самая распрекрасная дубленка не по нашим морозам, а у них-то и этого не было – на что уж надеялись, не знаю. А на ТЭЦ нашей очень не вовремя авария случилась. Для нас, сибиряков, десять градусов в доме – нормально, особенно когда знаешь, что это для дела надо. Мы-то и снегом умоемся, да и частных домов со своими банями

у нас в городе большинство, всегда найдется где помыться, а им-то каково?

– Саботажники! – не выдержав, рассмеялся Гуров.

– Вот именно! – охотно согласился с ним капитан. – И сновали они по городу голодные, холодные и грязные! В куртках своих, рыбьим мехом подбитых, да ботиночках, в которых только в машине и ездить! Да, забыл сказать! У нас же еще и с бензином перебои начались! Так что машины служебные по гаражам загрузили.

– Ну, и чем дело кончилось? – поторопил Кравцова Стас.

– И наступил великий день! – торжественным и напевным тоном древнерусского баяна проговорил Тимофей. – Созвал Потапыч то, что раньше называлось партхозактивом. И были там все, так что я подробности от верных людей хорошо знаю.

– Подожди, в каком году это было? – спросил Лев Иванович.

– Гу-у-уров! – укоризненно протянул Крячко, недовольный тем, что его друг перебил капитана и сбил тому нужный настрой. – Какую песню испортил!

– Осенью 2008-го, – ответил Гурову нимало не смутившийся Кравцов. – То есть это, по-вашему, осень была, а у нас уже зима всю хозяйничала, – и продолжил: – Потапыч народу разъяснил, что Москва его работой недовольна и вот прислала ему на замену своего человека – он хитрить не умеет, говорит всегда то, что думает. Представил он этого «ро-

зовоштанного», а у того рожа до того победоносная была, что аж противно, и принялся он все, что Потапычем было сделано, хаять. И освоено все не так! И деньги из областного бюджета непонятно куда потрачены! И предприниматели от такого его бездарного руководства разбежались кто куда! И все в этом духе! А потом начал планами делиться, что и как он будет обустроивать, на что деньги тратить и так далее. Выслушали его люди в полном молчании, а потом поднялся Романов... Есть тут у нас один такой из отцов города, у него лес, лесопереработка, пушнина, то есть зверофермы, да и весь поселок Тепличный ему принадлежит.

– То есть тот, где теплицы и оранжереи? – уточнил Лев Иванович.

– Да, только у него еще много чего есть, но это основное, – кивнул Кравцов. – Встал он, значит, и говорит, а откуда, мол, деньги на все эти новшества возьмете? Тот ему отвечает, что налоговые поступления будут, да еще Москва поможет. Романов – ему: а какие налоги, если в области уже ничего не осталось? И с какой стати Москва нам помогать будет, если мы уже давно из дотационной области в донора превратились? Мальчишка в ответ: это, мол, временные трудности, мы их преодолеем, кредиты возьмем и все такое. Посмотрел на него Романов, головой покачал и сказал, чтобы съезжал этот мальчишка обратно в Москву, потому что ему здесь не работать. Парнишка тут же взвился: вы что, думаете, я на вас управу не найду? А Романов ему на это: «Ищи! Бог те-

бе в помощь!» Повернулся и пошел из зала для заседаний, а остальные отцы города – за ним.

– Смело, однако! – восхищенно произнес Крячко, как будто и знать не знал этого Романова, который был для него просто Сашкой.

– Мы, сибиряки, такие! – горделиво ответил Кравцов. – Ну, воцарился этот парнишка, а того не учел, что все отцы города у нас в областную думу входят.

– И встала эта дума ему поперек горла, – понял Гуров.

– Точно! Все его предложения заворачивала на раз! Да еще и санэпидемнадзор бухтеть стал, что из здания областной администрации общежитие устроили, что там уже и тараканы, и мыши, и крысы водятся, и под эту сурдинку закрыл напрочь столовую. А ТЭЦ, заметим, так и не работала, только к этому еще и перебои с электричеством прибавились, с телефонной связью, водопровод барахлить начал.

– И сколько же продержалась эта новая власть? – с интересом спросил Стас.

– Четыре месяца. А потом они поняли наконец, что на сибиряков где сядешь, там и слезешь! В Москве, видно, тоже не ожидали, что мальчишка денег просить будет, а на дворе-то кризис был, откуда их взять? Тем более что он, наверное, пообещал, что сам Москву деньгами завалит, вот и отказали ему. И тогда мальчишка этот, не иначе как от отчаяния, к нашему тогдашнему генералу обратился за помощью, чтобы тот как-то на отцов города повлиял, компроматом припуг-

нул, чтобы они деньгами ему помогли.

– Эдакая современная экспроприация экспроприаторов, – понимающе покивал Гуров.

– А генерал ему ответил, что компроматом на этих людей не располагает, а если их тронуть, они могут и производство остановить, люди тогда без работы останутся, на улицы выйдут, и начнутся беспорядки. У мальчишки то ли от голода, то ли от холода, но в голове явно что-то перемкнуло, потому что он ляпнул, а вы, мол, на что? Или у вас автоматы игрушечные? Или в Сибири, которая всегда своими охотниками славилась, люди стрелять разучились? А у генерала тогдашнего с характером все в порядке было, хоть он и не наш, а приезжий, вот и ответил, что он не ельцинский прихвостень, чтобы по своему народу стрелять. С тем и ушел! Не знаю уж, что этот мальчишка в Москву доложил, но генерала сняли, а его обязанности стал заместитель выполнять, а он-то у нас как раз из местных, ему со своими бодаться никак нельзя. Вот тогда мы всем управлением рапорта на увольнение и подали. Тут уж, видимо, в Москве сообразили, что нас лучше в покое оставить, а то ведь и до бунта недалеко. Да и люди в столице, наверное, за Потапыча хлопотали, вот его на прежнюю должность и вернули! Ну, тут уж и мы свои рапорта назад позабирали.

– Почему же исполняющего обязанности начальником управления не поставили? – поинтересовался Стас.

– Так он только незадолго до этого полковника получил,

видать, посчитали, что не дорос еще до генеральской должности. Вот к нам Юрия Петровича и назначили.

– А что за покушение тогда на Косолапова было? – спросил Гуров.

– А-а-а! Так они же тогда в аэропорту столкнулись. Ну, в смысле, мальчишка со своей командой и Потапыч. А уж как этих пришлых провожали! Под свист и улюлюканье уезжали! Им даже автобус выдали, лишь бы побыстрее убрались отсюда к чертовой матери и перестали глаза мозолить. А Потапыч как раз из Москвы возвращался после переназначения. Вот они личико в личико и встретились. Посмотрел на них Потапыч и сказал: «Что, оккупанты? Раззявили рот на нашу Сибирь, а она вас пинком под зад вышибла? Обломали об нее зубы? Вот и зарубите себе на носу и другим передайте – нам здесь варяги не нужны! Своим умом живем и впредь жить будем!» Я же предупреждал, Потапыч у нас такой: что думает, то и говорит. А у мальчишки этого был начальник охраны. И вот он, то ли сам, то ли по приказу хозяина, пистолет выхватил и начал стрелять – не стерпел, видать, унижения.

– И Косолапова ранило, – перебил Крячко.

– Да нет! – отмахнулся Тимофей. – В него-то как раз ни одна пуля не попала, потому что его мужик один, что в аэропорту на бензовозе работал, собой закрыл. Еле-еле потом его Татьяна Сергеевна вытащила. Можно сказать, с того света вернула, золотые у нее руки! Он с тех пор им как родной.

Как поправился, так стал Потапыча возить.

– Сколько же мог получить этот стрелок? – начал рассуждать Лев Иванович. – Состояние аффекта... Тяжких телесных не было, раз потерпевший снова водителем работает... Не бывший ли начальник охраны, вернувшись, решил отомстить?

– О чем вы говорите, Лев Иванович? – воскликнул капитан. – Да его тогда же, прямо на месте насмерть забили. Да и мальчишку того с его людьми не пожалели бы, только Потапыч народ от смертоубийства и удержал. Так что улетели они все, правда, видочек у них после этого был весьма живописный.

– А какова судьба бывшего начальника управления? – поинтересовался Крячко.

– Слышал, что служит где-то, но вот где именно, не знаю, – ответил Тарасов.

– Ну, а теперь давайте по этому покушению, – предложил Гуров. – Что у нас есть? Пулю эксперты осмотрели?

– А нет у нас пули – у Потапычей она, – ответил капитан.

– То есть у кого-то из детей Косолапова?

– Вот именно. Они сказали, что отдадут ее только московскому следователю.

– Ну, раз так, то я сам у них ее заберу да и поговорю заодно. Откуда стреляли, выяснили?

– Да! Было это в одиннадцать с минутами, – начал рассказывать Кравцов. – Губернатор из здания областной админи-

страции вышел и к машине направился. Тут-то в него и выстрелили. Он упал, к нему люди бросились, в машину на руках затащили и в больницу отвезли.

– Что же охрана не чухнулась? – спросил Гуров и вдруг, скривившись, приложил руку к левому боку.

– Да у него отродясь ее не было! – удивился Кравцов, а вот Тарасов встревоженно воскликнул:

– Лев Иванович! Что с вами? Может, врача? Или лекарство какое-нибудь?

– Не надо! Сейчас отпустит! По крайней мере, я на это надеюсь. Давайте не отвлекаться.

– Ну, нельзя же вас в таком состоянии оставлять! – возмутился генерал.

– А где наши вещи? – спросил Гуров.

– Так уже в гостинице, – растерянно ответил капитан.

– Ничего страшного, дотерплю – у меня лекарство в сумке. Продолжайте, что дальше было?

– Ну, я мигом всех на ноги поднял, – сказал Тарасов.

– И стали мы все соседние дома обходить, – подхватил Тимофей. – Вот в одном из них возле окна на лестничной площадке и нашли охотничий карабин «Тигр-9». Судя по запаху, из него только что стреляли, да и гильза рядом валялась.

– Серьезное оружие. Он какой модификации был? Складной? – спросил Стас, и Кравцов на это только помотал головой. – А кто нашел?

– Я. Товарищ генерал и дело мне поручил вести, под сво-

им присмотром, конечно. Голыми руками я карабин не трогал – в варежках был, да только криминалисты наши на нем никаких следов вообще не нашли, – с виноватым видом закончил капитан.

– Ну, преступники нынче ушлые пошли, про отпечатки пальцев не меньше экспертов знают, – заметил взявший инициативу в свои руки Крячко, потому что Гурову было явно не до этого – он сидел с закрытыми глазами, перекосившись на правый бок, и продолжал держаться за левый. – Что дал поквартирный обход?

– Да это не жилой дом, а бизнес-центр метрах в пятидесяти от администрации. Народ туда то и дело шныряет. На первом этаже парикмахерская, меховое ателье и химчистка, а начиная со второго – офисы, в том числе и турфирма, – объяснил капитан.

– Значит, стрелок мог просто войти в здание с большой сумкой, – предположил Стас.

– Карабин, кстати, могли и под тулупом пронести, – тихо заметил Гуров.

– Согласен, – не стал возражать Стас. – Но рисковал он крупно – его же кто-то увидеть мог. Да и звук выстрела трудно не услышать.

– В том-то и дело, что вероятность этого довольно мала, – возразил Кравцов. – Потому что там, где я нашел карабин, место для курения отведено, а смолить в наших краях не модно, так что народ практически весь некурящий. А по по-

воду шума от выстрела – так мало ли где что упасть могло? Да и телефоны звонят, и прочие звуки раздаются, так что могли просто не обратить внимания.

– Ну, кто-то мог выйти посекретничать, – сказал Крячко.

– Как бы там ни было, но стрелка никто не видел, – категорично заявил Тимофей.

– Хорошо, зайдем с другого края, – подал голос Лев Иванович. – Откуда, по-вашему, у этого покушения ноги растут? Каковы мотивы?

– Из местных на это ни один человек не пошел бы! – уверенно ответил Тарасов.

– Намекаете, что это приезжий? Так я не о том спрашивал. Из-за чего вообще могли в Косолапова стрелять?

Тарасов с Кравцовым переглянулись и замялись, а потом Тимофей повторил:

– Так я же сказал, Лев Иванович, что никто из наших на это не пошел бы.

– Иначе говоря, вы подозреваете, что за покушением стоит Москва, то есть потребовалось место губернатора освободить, или некие предприниматели, которые хотят таким манером местный бизнес к рукам прибрать. Так?

– Скорее первое, – тихо произнес Тарасов, – потому что нашим отцам города палец в рот не клади – всю руку по плечо отхватят. Они и без поддержки Косолапова от любых олигархов отобьются! Еще и их самих поделить заставят!

– Не очень я верю в такой расклад, но предположим. Итак,

стрелок пришлый. Ему надо было сюда прилететь, где-то жить, выбрать место, откуда стрелять, а главное, достать оружие, потому что в самолет его с ним не пустили бы. Отсюда вопрос: на кого зарегистрирован карабин?

– В том-то и дело, что у нас такой на учете не стоит, – развел руками генерал. – Скажу больше, ни в одном оружейном магазине нашего города он даже в продаже не был. Мы в Ижевск запрос послали, чтобы узнать, куда был отправлен карабин с таким номером, но ответа еще нет.

– Ладно, подождем, что оттуда ответят. Итак, что мы имеем? – задал риторический вопрос Гуров. – Либо покушение имеет иногородние корни, либо это все-таки кто-то из местных. И не возражайте! Такой вариант со счетов тоже сбрасывать нельзя. Как я понял, Косолапов мужик нрава крутого, миндальничать ни с кем не будет. Кому он в последнее время хвост прищемил?

– Лев Иванович! Губернатор у нас действительно не кисейная барышня, да вот только повода ему никто не дает, – ответил капитан. – Он как область нашу на рельсы поставил, изначальное ускорение придал, так и катится она по ровному пути без сбоев и аварий. Люди все по много лет на своих местах работают, дело знают, так чего на них срываться? Другое дело, если бы он кого-нибудь на воровстве или еще чем-то таком поймал. Но тогда просто выгнал бы тут же с позором! А с тех пор, как на свою должность вернулся, от него никто не уходил, да и скандалов в городе не было. У нас

тут все про всех знают, так что шила в мешке не утаишь.

– Хорошо, но работать все равно будем по двум направлениям, – настойчиво повторил Лев Иванович. – Как я понял, к вам сюда только самолетами местных линий можно добраться? – Тарасов кивнул. – А как же тогда отгружают руду, уголь и все остальное?

– Железнодорожная ветка проложена до основной магистрали, но она даже близко мимо города не проходит, не говоря уж о том, чтобы сюда заходить – у нас и вокзала-то нет, – ответил Кравцов.

– Значит, только самолетом, – подытожил Крячко, с беспокойством смотревший на Гурова и временами удрученно качавший головой.

– Или вертолетом – у наших отцов города у каждого по вертолету, – добавил Тарасов. – Да и у меня есть, как же иначе область инспектировать? Здесь без него никак.

– Значит, стрелка с оружием вполне мог привезти кто-то из них, а уж досматривать, я думаю, ни у кого бы духу не хватило, – предположил Крячко.

– Упаси вас бог, Станислав Васильевич, где-нибудь такое сказать! – воскликнул Кравцов. – Во-первых, они все вместе область поднимали, и каждый в результате получил то, что хотел. Уж если они за столько лет не поссорились, то теперь-то им вообще делить нечего, тем более что они почти все с губернатором в родстве. Они даже скинулись и пообещали три миллиона рублей тому, кто сообщит информацию,

которая поможет преступника найти. И потом, у них у всех собственная служба безопасности такая, что никаких посторонних стрелков не надо. Там ребята или охотники, которые белку в глаз бьют, или бывшие военные, все на свете уже прошедшие. Да если бы кто-то из них стрелял, Косолапов ни за что не выжил бы. И из местных у нас каждый первый – охотник, тоже не промахнулся бы. Так что не там ищите.

– Хорошо, убедили, – сдавленным от боли голосом произнес Гуров. – Итак, что нам предстоит сделать? Нужен список всех прилетевших в Новоленск за последний месяц и всех тех, кто вылетел отсюда с момента покушения на губернатора.

– То есть человек сделал дело и уехал? – уточнил Тарасов. – Но Косолапов-то жив.

– Давайте уточним – пока жив, – поправил его Лев Иванович. – Насколько мне известно, врачи даже прогнозировать что-либо не решаются, а это говорит о том, что дело очень серьезно. И потом, стрелок мог на момент отъезда просто не знать, что губернатор еще жив. А если, предположим, он был на сто процентов уверен, что нанес смертельное ранение и делать ему в Новоленске больше нечего? Или же у него была цель не убить губернатора, а, например, попугать, чтобы стал поговорчивее? Откуда мы знаем? Мы же о мотивах ни малейшего представления не имеем! Так что списки мне приготовьте! Дальше, кто-нибудь кабинет Косолапова обыскивал? Может, там в одной из папок и лежит отгадка?

– Ну, Лев Иванович, вы даете! – всплеснул руками генерал. – Да кто бы нам дал в его бумагах копаться? Так, посмотрел я влегкую на столе, а за мной в это время секретарша наблюдала, прямо в затылок дышала, и каждое мое движение таким взглядом провожала, что я чуть дымиться не начал. Но ничего интересного я там не нашел.

– А откуда, Юрий Петрович, мы с вами можем знать, что представляет для расследования настоящий интерес? – спросил Гуров. – Значит, я сам в кабинете посмотрю. А с женой губернатора кто-нибудь разговаривал? Вдруг было что-то такое, за что мы сможем зацепиться? Сказал он, например, что-то, или звонок был странный.

– Да как поговоришь, если она от мужа не отходит? – воскликнул Тарасов. – Сунулся я к ней было, так меня их старший сын – тот еще медведь, весь в папашу – только что за шкуру не выволок. А что я могу с ним сделать? И что я с ней могу сделать, если они со мной разговаривать не хотят? Мне тут еще работать и работать, и занять таких врагов я совершенно не хочу!

– Ну, со мной у них такой номер не пройдет! – разозлился Лев Иванович. – Я ни с ней, ни с ним церемониться не буду! И с секретаршей тоже! Пусть попробует мне в затылок подышать! Так что вы, Юрий Петрович, распорядитесь приготовить несколько камер.

– Лев Иванович! – в ужасе заорал Тарасов.

– Да, я – Лев Иванович! – жестко ответил Гуров. – И мне

в отличие от вас здесь не жить! А поведение тех, кто отказался с вами разговаривать, лично я квалифицирую как противодействие следствию! Так что сорок восемь часов – это святое! А потом, если не поумнеют, в соответствии с УПК! – все больше и больше раздражаясь, говорил Гуров, временами страдальчески постанывая и по-прежнему держа руку у левого бока. – И пусть жалуются на меня хоть господу богу! Мой характер в Москве всем хорошо известен, так что ничего нового они не узнают!

– Лев Иванович! Может, все-таки врача вызвать? – предложил генерал, не в силах больше безучастно смотреть на мучения Гурова.

– Я же сказал, что выпью таблетку, полежу с часок, и все пройдет, – прошептал тот. – Так что мы сейчас в гостиницу, чтобы переодеться и привести себя в порядок, а списки прилетевших и улетевших вы прямо туда к нам привезите – надеюсь, это много времени не займет?

– Ну, что вы! Тимофей мигом обернется! – Генерал повернулся к Кравцову и приказал: – Глянь там в приемной, полушубки с валенками привезли?

Кравцов быстро вышел и, вернувшись минут через пять, доложил, что все на месте и соответствующего качества, которое он лично проверил.

– Далее, я хотел бы поговорить со свидетелями, – продолжал тем временем Гуров, – то есть с теми людьми, которые бросились к упавшему Косолапову, и с его водителем, потом

съезжу за пулей в больницу, а оттуда – в администрацию, чтобы кабинет губернатора посмотреть – авось что-нибудь найду. А пока я там буду, пулю вам водитель на экспертизу привезет. А вот Станислав Васильевич займется бизнес-центром, и Тимофей ему в этом поможет: где лежал карабин, и все прочее. Ну, не может быть такого, чтобы никто ничего не видел! Видели люди человека, просто нужно помочь им его вспомнить! Уличных камер видеонаблюдения у вас в городе, случайно, нет?

– Да что вы! – Тарасов даже руками замахал. – Это же не Москва!

– Ладно! – сказал, с трудом поднимаясь, Гуров. – Будем работать по старинке. Машиной меня обеспечите?

– Конечно! Можете хотя бы мою взять! – охотно предложил Тарасов.

– И вас безлошадным оставить? – возразил Лев Иванович. – Нет, закрепите за нами «Газель» – в ней в тулупах как-то сподобнее ездить.

– Ну, как знаете, – согласился генерал. – Только, если передумаете, берите мою «Волгу» – мне сейчас не до разъездов, а пообедать я и здесь могу – сами видели, как наша Семеновна готовит!

Привезенные тулупы с шапками и валенки действительно ждали их в приемной – это были совершенно новые белые офицерские полушубки, и даже валенки выглядели очень симпатично. Одевшись, причем Стас всячески помогал дру-

гу, которому становилось все хуже и хуже, они с Кравцовым все на той же «Газели» поехали в гостиницу, до которой оказалось совсем недалеко. Предназначенный для них двухместный номер был вычищен до блеска, постельное белье даже накрахмалено, а полотенца в ванной висели совершенно новые. Первым делом Лев Иванович бросился к сумке, вынул оттуда несессер, достал из него таблетку и выпил, и все это под сочувствующим взглядом удрученно качавшего головой Тимофея. Затем прилег на кровать и сказал ему:

– Ну, отправляйся за списками и постарайся обернуться побыстрее – хочется это дело поскорее закончить. А потом собери всех, кто видел сам момент покушения, прямо на том самом месте, то есть возле областной администрации. Хотя это, наверное, перебор – нечего людей морозить, пусть внутри ждут.

– Я мигом! – с готовностью заверил его Кравцов и почти выбежал из номера.

– Что, Лева, доигрался? – скандальным голосом начал выговаривать Гурову Крячко. – Ты какого черта жареную картошку и котлеты с чесноком жрал? А соленья кто лопал? А о том, что крепкий чай тебе нельзя, забыл? Или тебе понравилось по больницам валяться? Тебе куриные бульончики с сухариками, мясо отварное да каши с пюре картофельным есть надо! А ты? Когда наконец за ум возьмешься? Когда начнешь здоровье беречь?

– Стас! Угомонись! – слабым голосом перебил его Гу-

ров. – Да знаю я, что уже не мальчик и с собственной поджелудочной на «вы» разговаривать надо, но вот не удержался. Да и потом, откуда здесь чему-нибудь диетическому взяться? Ты думаешь, в столовке было бы лучше? Семеновна, по крайней мере, из свежих и чистых продуктов готовила, а даже в самом лучшем в этом городе ресторане ты прозакладываешь голову за доброкачественность продуктов? Или мне там по спецзаказу, без перца, лаврушки и прочих специй, готовить будут? Ты что, предлагаешь мне с собой овсяные каши возить, которые залил кипятком и лопай сколько влезет? Так я на таком питании в два счета свалюсь! Но ты прав! Пора! Пора за ум браться!

Крячко задумчиво уставился в потолок и стал загибать пальцы.

– Ты чего? – удивился Лев Иванович.

– Да вот пытаюсь подсчитать, сколько лет я эту песню слышу, – язвительно ответил Стас и зловеще пообещал: – А вот я на тебя сейчас Петру нажалуюсь! И по возвращении тебя возле трапа уже будет «неотложка» дожидаться!

– Ты разницу во времени учти и не беспокой человека! – попросил Гуров. – Обещаю, что, как только домой вернемся, тут же сяду на диету!

– Ничего! Не все мне одному с тобой страдать! Пусть тоже помучается! – Стас достал свой сотовый, набрал номер и сказал: – Привет, это я! Докладываю: добрались нормально, встретили нас, как положено, накормили, напоили, а вот

спать нам еще долго не придется – работы полно... Нет, ясности пока никакой... Да, свалился наш каменный идол! Нажрался чего ни попадя, а теперь лежит и за бок держится. Было бы где, так я бы ему сухариков засушил, и грыз бы он их со слабеньким чайком. Или каши манной на воде, без масла и сахара, наварил бадью на несколько дней сразу, чтобы жизнь медом не казалась... Чего?! Ты с ума сошел?!.. Знаешь, я и так при нем как нянька, всю жизнь! А ты хочешь из меня еще и кухарку сделать?!.. Ну, согласен, что свалиться он вполне может, но это еще не повод, чтобы мне такое предлагать!.. Хорошо, но ты гарантируешь мне премию в размере оклада?.. Ладно! – горестно вздохнул он. – Шедевров не обещаю, но на куриный супчик моих способностей хватит. Ну, все! Как будут новости, я позвоню.

– Ты чего задумал? – встревоженно воскликнул Гуров, вопрошающе глядя на друга.

– Получишь готовенькое! – тоном, не предвещавшим ничего хорошего, пообещал Крячко.

– Нет, ты скажи, что ты задумал, – настаивал Лев Иванович.

Но Крячко только хитро улыбался и с самым хищным выражением лица обещал, что теперь он отыграется на Гурове за все многолетние издевательства над ним, беззащитным.

Кравцов появился довольно быстро, и Гуров, которому стало значительно лучше, с Крячко принялись изучать списки пассажиров, чтобы найти в них одного и того же челове-

ка, который сначала прилетел, а после покушения улетел из города. Такого не оказалось, и Лев Иванович предположил, что стрелок еще в городе, а также поручил Стасу отработать в дальнейшем всех вылетающих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.